

**О ШЛЕЙХЕРЕ, СОСЮРЕ
И МОНОВОКАЛИЗМЕ**

Считается, что языкознание с появлением школы младограмматиков сделало большой скачок в своем развитии. Теории Августа Шлейхера и теории младограмматиков (Жарла Бругмана, например) представляют собой как бы разные эпохи науки о языке. Однако в младограмматических теориях было довольно много заимствований из Шлейхера, гораздо больше, чем принято думать, гораздо больше, чем наш уважаемый читатель может предположить.

Прежде всего вышеназванные теории объединяет стремление постулировать для праязыка меньшее количество гласных, чем имеется в современных языках (это, если можно так выразиться, сведение большего количества языковых элементов к их меньшему количеству). Поясним это положение ниже. Согласно Шлейхеру, индоевропейский праязык имел всего три кратких гласных, а именно *a*, *i*, *u*. Младограмматики, в свою очередь, приписывали индоевропейскому праязыку обладание также всего тремя краткими гласными, а именно *a*, *e*, *o*. Эти шлейхеровская и младограмматическая тройки не совпадают, что касается их наполнения конкретными звуками, но зато мы видим совпадение в количестве предполагаемых для праязыка кратких гласных у Шлейхера и его оппонентов, младограмматиков, что отнюдь не случайно. Чем же вызвано это совпадение? На наш взгляд, в обоих случаях ученые руководствовались желанием представить развитие вокалической системы в виде двух языковых состояний, первое из которых характеризуется наличием всего трех гласных (индоевропейский праязык), а второе – наличием уже пяти гласных (современные Шлейхеру и младограмматикам языки, потомки индоевропейского).

Вот таким образом представители обеих школ в лингвистике пытались представить себе развитие вокалической системы индоевропейского праязыка. Как мы видим, они обнаружили всего два последовательных момента и одно изменение, и в тонкости особо ни те, ни другие не хотели вдаваться. Развитие индоевропейского праязыка ими представлялось как постепенное нара-

щивание количественных характеристик языковой системы. Для представителей обоих течений это было фактически нечто само собой разумеющееся, различия их взглядов касались лишь последовательности появления гласных фонем праязыка (возникли раньше *i*, *u* или же *e*, *o*). Следовательно, с точки зрения лингвиста того времени, малое количество гласных для индоевропейского праязыка ранних периодов – факт, не требующий доказательства (как мы увидим ниже, на трех гласных Август Шлейхер не остановился, и Фердинанд де Соссюр, в некоторой степени последователь младограмматизма, также не остановился на этом количестве гласных).

Что же вынуждало лингвистов XIX века постулировать меньшее количество гласных для индоевропейского праязыка, чем существует в современных индоевропейских языках? Не что иное, как стремление упростить сложные отношения внутри системы гласных, то есть свести сложные отношения внутри этой системы к более простым, именно это и стоит за стремлением свести большее количество элементов к их меньшему количеству.

Рассмотрим подробнее взгляды Августа Шлейхера на первые гласные индоевропейского праязыка. Он, например, не считал гласные *e* и *o* важными настолько, чтобы постулировать их для праязыка. Они у него всего лишь поздние приобретения индоевропейского праязыка, своего рода вариации или комбинации других гласных в промежутке от *a* к *i* (это *e*) и от *a* к *u* (это *o*). На такие мысли Шлейхера могли натолкнуть факты древнеиндийского языка, в котором краткие *e* и *o* отсутствуют, а краткие *e* и *o* других индоевропейских языков соответствуют древнеиндийскому краткому *a*; длинные *e* и *o* древнеиндийского, и это было известно уже во времена Шлейхера, возникают сравнительно поздно путем стяжения из дифтонгов *ai* и *au*, соответственно (через несколько десятилетий после Шлейхера выяснилось, что не только *ai*, но и дифтонги *ei*, *oi* индоевропейского праязыка порождали в индийском долгий *e*, а индоевропейские дифтонги *eu*, *ou* точно так же, как и *au*, порождали в индийском долгий *o*). Если мы вспомним, что во времена Августа Шлейхера древнеиндийский считался языком, гораздо более приближенным к индоевропейскому праязыку, чем все остальные потомки индоевропейского праязыка, и подавляющее большинство лингвистов были уверены, что в древнеиндийском прекрасно сохранилось то, что други-

ми индоевропейскими языками было утрачено, то не будем строго порицать немецкого лингвиста за такие умозаключения. В тех условиях сам собой напрашивался вывод о том, что гласные *e* и *o* вторичны в праязыке.

По мнению Шлейхера вокалическая система индоевропейского праязыка состояла из трех основных гласных и трех рядов подъема этих же самых гласных. В середине XIX века его система подъемов гласных выглядела очень гармонично и правдоподобно, очень многие соглашались с предложенным им объяснением индоевропейского вокализма. Гласный *a* являлся, согласно Шлейхеру, самым естественным, легким для произношения (это от Якоба Гримма), то есть «подлинным» гласным, первоначальным гласным, к нему прилагались две крайности, два противоположных и «не подлинных» гласных звука *i* и *u*, которые противопоставлены друг другу как бы изначально, и изначально же связаны соответственно с *y* и *w*, в которые они могут превращаться. В противоположность гласным *i* и *u* гласный *a* не может ни в каком случае превращаться в какой-либо согласный, что означает высшую степень проявления вокалических качеств у звука *a* и делает его уникальным звуком, несравнимым с другими гласными. Шлейхер излагает свои взгляды на систему гласных индоевропейского праязыка следующим образом: «*a*, der häufigste vocal, bildet eine classe für sich; *i* und *u* sind sich in irem wesen seränlich und stehen dem *a* als grundverschieden gegenüber. Beide haben die inen nahe stehenden und sie oft vertretenden consonanten *j*, *v* zur seite, während das *a* in keinen consonantischen laut über gehen kann und demnach die vocalische natur in höherem grade an sich trägt als *i* und *u*, welche den consonanten näher stehen. *a* ist in der indogermanischen ursprache der bei weitem häufigste vocal; er findet sich vil häufiger als *u* und *i* zusammen genommen. Jeder vocal kann sich nur in seiner reihe bewegen; diß geschieht zum zwecke des außdruckes der beziehung an der wurzel selbst. Die vocale der stamm- und wortbildenden suffixa sind ebenfalls der steigerung fähig, da sie auß ursprünglich selbständigen wurzeln hervor gegangen sind. Die grundform der wurzel ist stäts mit dem grundvocale an zu setzen» (Schleicher, 1876, 12).

Кстати, у Карла Бругмана можно найти высказывания, по духу вполне соответствующие изложенным нами выше взглядам Августа Шлейхера. У Бругмана гласные *e* и *o* прямо называются промежуточными звуками между *i* и *a* (это *e*) и между *a* и *u* (это *o*). Причем гласный *e* может варьироваться, превращаясь то в от-

крытый *e*, то в закрытый *e*, и открытость или закрытость данного гласного определяется близостью каждый раз к звуку *i* (приводит к закрытости) или к звуку *a* (приводит к открытости). Естественно, и гласный *o* может варьироваться, превращаясь то в открытый *o*, то в закрытый *o*, и открытость или закрытость данного гласного определяется близостью каждый раз к звуку *u* (приводит к закрытости) или к звуку *a* (приводит к открытости). Варьируясь, гласные *e* и *o* создают огромное множество близких по фонетическим характеристикам звуков, другими словами есть бесчисленное количество вариантов гласного *e* в промежутке между *i* и *a*, и столько же вариантов гласного *o* существуют в промежутке между *a* и *u*.

В своей «Краткой сравнительной грамматике» Карл Бругман пишет буквально следующее: «Auf der Vokallinie *i-e-a-o-u* sind *e* und *o* keine festen Punkte, vielmehr sind theoretisch unzählige Zwischenglieder denkbar, die allmählich vom Endpunkt *i* nach *a* und vom Endpunkt *u* nach *a* hinüberleiten. Man spricht von geschlossenem *e* (*e̅*) und offenem *e* (*ĕ*), je nachdem ein *e* dem *i* oder dem *a* näher liegt, und von geschlossenem *o* (*o̅*) und offenem *o* (*ŏ*), je nachdem ein *o* dem *u* oder dem *a* näher liegt». (Brugmann, 1904: 34). Ведь это есть не что иное, как почти прямое подтверждение мысли Шлейхера о главенствующей роли «центрального» или «основного» гласного *a* и о двух «конечных» или «крайних» гласных *i* и *u*, придаваемых «основному» гласному *a*.

Что же это, навязанное им наследие Шлейхера, рудимент, от которого младограмматики, возможно, при всем своем желании, так и не смогли избавиться? Нет, скорее всего просто разумная мысль, которую вовсе не надо было опровергать; таким образом, она была Карлом Бругманом не опровергнута, а подтверждена. Другими словами, далеко не все старое было отброшено младограмматиками, в теоретическом плане они все же вышли из натурализма. Возражая Шлейхеру в одном, они почти повторяют его мнения в другом.

Критически сравнивая взгляды Шлейхера и Бругмана далее, можно прийти к выводу, что младограмматики – это своего рода «Шлейхер наоборот». Поясним это заявление ниже. Шлейхер изобрел так называемую теорию подъёмов, которая описывала изменения гласных внутри корня (или суффикса), и основным звеном в данной теории была модификация корневого гласного

или гласного суффикса, которая заключалась в прибавлении гласного *a* к имевшемуся ранее гласному (например, $i \rightarrow a + i$ (*ai*) или $u \rightarrow a + u$ (*au*)). А младограмматики предложили так называемую теорию ослабления, согласно которой имевшиеся априорно дифтонги, то есть сочетания гласный плюс глайд (например, *ai* или *au*), в определенных условиях по причине ослабления, вызванного переносом ударения, теряли свое ядро, то есть основной элемент дифтонга, и остающийся таким образом глайд, который первоначально конечно же являлся согласным и нормально не входил в инвентарь гласных, в этих условиях становился гласным (ai ($a + i$) $\rightarrow i$ или au ($a + u$) $\rightarrow u$).

Таким образом, провозгласив первоначальный консонантный характер для звуков *i* и *u* (то есть *y* и *w*), младограмматики избавили себя от нужды объяснять наличие гласных *i* и *u* в ранние времена в индоевропейском языке. Однако, с нашей точки зрения, вольное или невольное постулирование первичности сложной конструкции, а именно дифтонга в ущерб, казалось бы, очевидной изначальной самостоятельности простых гласных нужно считать недостатком младограмматической теории ослабления (возможно, это просто отказ от рассмотрения вопроса о происхождении дифтонгов, но это также недостаток).

Теорию подъемов Августа Шлейхера наглядно описывает следующая таблица из «Компендиума» Шлейхера (Schleicher, 1876, 11):

Vocale der indogermanischen ursprache.

	Grundvocal	Erste steigerung	Zweite steigerung
1. a-reihe	a	a + a = aa	a + aa = āa
2. i-reihe	i	a + i = ai	a + ai = āi
3. u-reihe	u	a + u = au	a + au = āu

Теперь разъясним сущность теории индоевропейского вокализма Августа Шлейхера поподробнее. В древнем индоевропейском языке каждый корень и каждый суффикс, согласно Шлейхеру, мог содержать один из следующих трех гласных: *a*, *i* или *u*. Причем только гласный *a* считался истинным, или полноценным, гласным, в отличие от гласных *i* и *u*. Этот гласный, если мы правильно понимаем мысль Шлейхера – самый первый

гласный индоевропейского языка, а *i* и *u* – второстепенные, вторичные гласные, которые характеризуются тесными связями с согласными *y* и *w* (способны заменяться этими согласными), именно поэтому они и не обладают качествами подлинного гласного *a*, и, следовательно, они являются своего рода «неполноценными» гласными. Косвенным доказательством вторичности гласных *i* и *u* является факт их сравнительной редкости, согласно Шлейхеру. Но с определенного момента все три гласные *a*, *i*, *u* считаются уже фактически «равноправными». Далее, в целях выражения словообразовательных или же, возможно, формообразовательных значений может иметь место так называемый подъем изначального гласного (это может быть *a* или *i* или *u*, позволим себе напомнить), то есть слева к нему прибавляется гласный *a*, это первый подъем; если этот же самый гласный прибавить слева еще раз, мы получим уже второй подъем. Таким образом, мы имеем три кратких гласных индоевропейского праязыка в качестве основы ряда и соответственно три ряда по три члена в каждом (основной гласный плюс два подъема). Огласовка каждого корня или суффикса может теоретически изменяться только в пределах одного ряда. Смысл этих подъемов Шлейхер выражает одним предложением: «Jeder vocal kann sich nur in seiner reihe bewegen; diß geschihit zum zwecke des außdruckes der beziehung an der wurzel selbst» (Schleicher, 1876, 12).

Идея Шлейхера, представленная в данной теории, поразительна и достойна похвалы хотя бы за остроумие; достойно уважения его желание найти закономерности в чередовании индоевропейских гласных, то есть упорядочить отношения внутри сложной системы индоевропейских гласных. Мы и сейчас, на исходе XX века, поражены смелостью его теорий. Но, с другой стороны, согласиться с ними мы уже не можем, так как языкознание конца XX века стоит уже на качественно ином уровне (впрочем, теории младограмматиков мы не можем принять по той же самой причине). В конце XIX века, когда младограмматики создали новое течение в языкознании, противостоящее натурализму, ярчайшим представителем которого был Шлейхер, и даже в XX веке, когда на смену младограмматизму пришел структурализм, оригинальность модели индоевропейского вокализма по-прежнему в выгодном плане отличала именно теории Августа Шлейхера. То, что было создано лингвистами после него, уже

нельзя назвать настоящей моделью вокализма, ввиду того что воссоздавались отдельные явления в рамках вокалической системы индоевропейского праязыка, то есть большей частью явления, связанные с отношениями тех или иных отдельно взятых гласных, но никак не полная система гласных.

К концу XIX века все лингвисты покинули позиции натурализма и теория подъемов, еще недавно такая значимая, была забыта, но лингвисты после Шлейхера в той или иной мере все же продолжали линию Шлейхера. Например, они пытались тем или иным способом упростить в своих реконструкциях все богатство индоевропейского вокализма позднего периода, свести его к меньшему количеству гласных в ранних периодах индоевропейского праязыка. В свое время Шлейхер высказывался в том смысле, что якобы подлинным гласным является лишь гласный *a*, а *i* и *u* таковыми не являлись. Они якобы в своей основе, то есть изначально, были противопоставлены друг другу и вместе они оба были противопоставлены подлинному гласному *a* (их способность трансформироваться в согласные, а именно в *y* и *w* и доказывала их ущербность в роли гласных, их близкие связи с согласными; см. цитату из Шлейхера выше).

Взяв на себя смелость интерпретировать Шлейхера, эволюцию индоевропейского вокализма мы могли бы выстроить следующим образом:

этап 1 – существует один лишь гласный *a* (если принять, что ущербность гласных *i* и *u*, то есть их не подлинно гласный характер, означает у Шлейхера также их вторичность в смысле времени появления);

этап 2 – в индоевропейском языке существуют уже три гласных, так как к первоначальному гласному *a* прибавились уже гласные *i* и *u*;

этап 3 – однажды, уже довольно поздно, появились гласные *e* и *o*; их можно фонетически охарактеризовать как промежуточные гласные соответственно между *a* и *i* и между *a* и *u* (см. выше о возможности рассмотрения гласных *e* и *o* как промежуточных цитату из Бругмана). Таким образом, все пять имеющихся в индоевропейском языке позднего времени кратких гласных (*i*, *e*, *a*, *o*, *u*) Август Шлейхер как будто сводит к первоначальному гласному *a*.

Что касается младограмматиков, то они с целью упростить сложные отношения в системе индоевропейского вокализма, то есть уменьшить количество предполагаемых индоевропейских гласных, постулировали для индоевропейских *i* и *u* первоначально консонантный характер.

Позволим себе напомнить, что в младограмматической теории *i* и *u* в роли гласных возникают впервые в результате ослабления индоевропейских *i-* и *u-*дифтонгов, которое в свою очередь имеет место благодаря переносу ударения и последующему выпадению ядра дифтонга, то есть вершинного гласного, в таких условиях *i* и *u* вынуждены приобретать гласный характер (аналогичным же способом согласно младограмматикам и индоевропейские *m̥, n̥, l̥, r̥* возникли из первоначальных сочетаний согласных *m, n, l, r* с гласными, которые подвергались ослаблению (Brugmann, 1904, 121).

На наш взгляд, такое положение вещей вряд ли соответствовало действительности. Мы считаем, во-первых, что в любом языке реально существуют лишь два класса звуков: 1) согласные и 2) гласные, а так называемые сонанты – это звуки, эволюционировавшие, как мы считаем, от гласных к согласным звукам, но ни в коем случае не наоборот, и ни в коем случае не составляющие изначально какой-либо самостоятельный класс звуков. С нашей точки зрения, согласные *m, n, l, r, i•, u•* (или в другой нотации *y* и *w*) представляют собой позднейшее явление.

Во-вторых, несостоятельным, на наш взгляд, является утверждение о первичности дифтонгов, то есть сложных структур (например, *ei, eu, ai, au, oi, ou*), и о вторичности ряда составляющих их элементов, а именно звуков, являющихся глайдом дифтонга (*i* и *u*), в роли самостоятельных звуков. Достоверные данные поздних времен позволяют уверенно говорить о том, что падающие индоевропейские дифтонги первоначально являлись бифонемными сочетаниями, то есть они были диффонематическими (Семереньи, 1980: 157). Известно, что при трансформации гласных звуков, например, гласных *a* и *o* вне дифтонгов, эти же гласные в составе дифтонгов претерпевали аналогичные изменения. Например, в славянском индоевропейские дифтонги с *a* и *o* в качестве ядра дифтонга совпали попарно вслед за тем, как оба эти гласные совпали в славянском кратком *o* вне дифтонгов (Мейе, 1938, 125, 136). Аналогично происходили процессы совпадения

дифтонгов с краткими *a* и *o* в качестве ядра дифтонга и в германском (только в противоположном направлении, так как в отличие от славянского, в который краткие *a* и *o* совпали в кратком *o*, в германском краткие *a* и *o* совпали в кратком *a*). Освальд Семереньи писал, что «развитие дифтонгов вначале соответствует развитию одиночных гласных, то есть там, где *o* переходило в *a*, *oi* тоже изменялось в *ai*, *ou* – в *au* [Семереньи имеет в виду индоевропейские краткие гласные и дифтонги в германском. – А.А.]. Затем в разное время обнаруживается тенденция к монофтонгизации дифтонгов» (Семереньи, 1980, 52).

Если в индоевропейском существовали дифтонги как бифонемные сочетания, например *oi* и *au*, и к тому же в это же самое время существовали самостоятельные гласные *o* и *a*, употреблявшиеся вне и независимо от дифтонгов, однако несомненно генетически тождественные соответствующим частям дифтонгов, обязаны были существовать вне дифтонгов также и *i* и *u*, причем первоначально именно в роли гласных, как мы считаем (интересно, что и факт аблаута может служить доказательством дифонематического характера индоевропейского дифтонга.). Таким образом, невозможно не признать, что в теории индоевропейского вокализма младограмматиков существуют серьезные пробелы. Другими словами, есть вопросы, ответить на которые в рамках младограмматической теории не представляется возможным, в такой ситуации жизнь требует новых подходов.

Фердинанд де Соссюр, продолжая линию младограмматиков, тоже признавал за *i* и *u* первоначально согласный характер, так же как и за *m*, *n*, *l*, *r*. Однако Соссюр пошел дальше младограмматиков, он предпринял попытку постулировать для индоевропейского праязыка первоначальный и единственный гласный *e*, который во взаимодействии с так называемыми сонантическими коэффициентами приводит к возникновению гласных *a*, *o* и т.д. (сонантические коэффициенты Соссюра – это согласные, обладающие уникальными и необычными качествами, позже они были названы ларингалами). Соссюр постулировал существование всего двух сонантических коэффициентов, которые он обозначал как *A* и *O* позже их количество варьирует от автора к автору от двух до десяти. Это моновокализм, который мы не приемлем ни в коем случае, будь первый гласный уподоблен *e*, как у Соссюра, или же *a*, как у Шлейхера (о моновокализме у Шлейхера можно

говорить в том только случае, если ущербность гласных *i* и *u* можно истолковать как их вторичность, см. выше).

Итак, эволюция индоевропейского вокализма согласно Соссюру могла бы выглядеть следующим образом:

этап 1 – существует один лишь гласный *e*;

этап 2 – в индоевропейском существуют уже три гласных, так как к первоначальному гласному *e* уже прибавились гласные *a* и *o*, своим происхождением они обязаны исключительно сонантическим коэффициентам *A* и *O*, вступившим во взаимодействие с первоначальным гласным *e*;

этап 3 – однажды, уже довольно поздно, появились гласные *i* и *u*, впервые возникшие в качестве гласных благодаря ослаблению слогов, содержащих индоевропейские *i-* и *u-*дифтонги, вызванному в свою очередь переносом ударения, и последующему выпадению гласных, выступающих в роли ядра дифтонга (по мнению младограмматиков и по мнению Соссюра звуки *i* и *u* первоначально выступали лишь в роли согласных).

Как мы видим, все имеющиеся в индоевропейском языке гласные (как краткие, так и долгие) Соссюр явным образом сводит к первоначальному, единственному в своем роде, уникальному *e*. Далее, в какой-то никак не определяемый момент времени, вполне возможно, одновременно с появлением кратких *a* и *o* в индоевропейском праязыке, появляются долгие гласные, опять же благодаря сонантическим коэффициентам или ларингалам, и ничему иному. В свою очередь Шлейхер, ясно указывает на то, что в праязыке количественные различия гласных не играли какой-либо существенной роли (Schleicher, 1876, 12), таким образом, по мнению Шлейхера долгие гласные в индоевропейском должны были возникнуть сравнительно поздно.

Кратко ларингальная теория может быть изложена в виде следующей таблицы с пояснениями автора данной статьи (ларингальная теория в варианте с тремя ларингалами):

Так возникают краткие гласные	Так возникают долгие гласные
<i>e</i> существовал изначально	$e + A = \bar{a}$
$A + e = a$	$e + O = \bar{o}$
$O + e = o$	$e + E = \bar{e}$

В данной таблице мы видим, что в самом начале существует первый и единственный краткий гласный *e*, других гласных пока нет, но зато существуют сонантические коэффициенты *A* и *Q*. В какой-то определенный момент появляются краткие гласные *a* и *o* и долгие гласные $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{e}$ (появились ли краткие гласные сначала, а затем долгие гласные, или сначала долгие и лишь затем краткие, или же краткие и долгие гласные появляются одновременно — мнения «ларингалистов» по этому поводу мне неизвестны, к сожалению).

Итак, те же самые сонантические коэффициенты (или ларингалы), которые во взаимодействии с первоначальным гласным *e* породили краткие *a* и *o*, по мнению сторонников ларингальной теории, ответственны и за появление долгих гласных. Например, первоначальный *e* в сочетании с *A* (H_2 как принято после Соссюра) в результате стяжения дает $\bar{a}$, первоначальный *e* в сочетании с *Q* (H_3 после Соссюра) в результате стяжения дает $\bar{o}$. Уже после Соссюра Г. Меллер предположил существование третьего сонантического коэффициента (ларингала) вдобавок к соссюрским *A* и *Q*, а именно *E* (сейчас его именуют H_1), который в сочетании с первоначальным *e* давал после стяжения $\bar{e}$ (кстати именно Меллер впервые ввел термин «ларингальный», (Семереньи, 1980, 139).

Таким образом, при принятии данного объяснения возникновения долгих гласных неразграниченными во времени получаются, с одной стороны, процессы, приводящие к возникновению кратких индоевропейских гласных *e*, *o*, *a*, и, с другой стороны, процессы, ответственные за появление долгих индоевропейских *e*, *o*, *a* (в первом случае мы имеем сочетание того или иного ларингала с первоначальным *e*, во втором случае — сочетание этого гласного с тем или иным ларингалом: разница только в порядке следования этих звуков в данных сочетаниях). Согласно нашей собственной точке зрения, одновременное происхождение качественных различий индоевропейских гласных и количественных различий этих же самых гласных чрезвычайно маловероятно или даже вовсе невозможно. Дифференциальный признак количества, по нашему мнению, вторичен по отношению к дифференциальным признакам, описывающим только качества звука.

Позволим себе ниже сравнить теории Шлейхера и теории Соссюра с целью обнаружить сходства и различия между ними.

Существуют ли совпадения в их подходах к основополагающим вопросам индоевропейского вокализма? Так ли уж различны взгляды этих ученых, представителей разных эпох развития лингвистики, как об этом принято думать? В процессе сравнения мы приходим к неожиданным выводам. На самом деле система вокализма по Соссюру очень напоминает систему вокализма по Шлейхеру. Итак, согласно Шлейхеру, индоевропейский вокализм однажды был представлен тремя гласными – *a*, *i*, *u*, а согласно Соссюру, индоевропейский вокализм однажды включал в себя опять же три гласных – *a*, *e*, *o*. Несмотря на видимые различия в составе сравниваемых троек (триад), определенные аналогии все же наблюдаются. Один из трех гласных обеих триад признается главным, основным (у Шлейхера это *a*, у Соссюра – *e*), а два других гласных являются взаимно противопоставленными, то есть противостоящими друг другу элементами. Для их различения, для определения их места в вокалической системе важно прежде всего именно их противопоставление друг другу, их своеобразная «полярность», и вдобавок к этому еще и «вторичность» в смысле способности быть гласным (все это как раз абсолютно нехарактерно для основных, первоначальных или подлинных, единственных в своем роде у Шлейхера и у Соссюра гласных соответственно *a* и *e*). У Шлейхера «вторичность» или «ущербность» гласных *i* и *u* определяется их связью с согласными *y* и *w*, то есть их «выдает» их способность выступать в роли согласных (истины ради мы должны сказать, что нам не удалось все же найти у Шлейхера какие-либо недвусмысленные указания на то, какие звуки появились в индоевропейском раньше, *i* и *u* или же *y* и *w*, однако в любом случае в иерархии индоевропейских гласных его *i* и *u* безусловно стоят ниже, чем его *a*). «Вторичность» гласных *a* и *o* у Соссюра определяется их генетической связью с порождающими их сонантическими коэффициентами (ларингалами, то есть согласными) *A* и *O*.

Долгие размышления и многие годы труда в разное время привели, таким образом, как Шлейхера, так и Соссюра к одному результату, а именно к моновокализму (мы говорим о моновокализме Шлейхера с оговорками, см. выше). Пути Шлейхера, младограмматиков и Соссюра в значительной степени похожи, но заслуги Шлейхера в этом смысле все же выше, так как младограмматики и Соссюр создавали свои труды после Шлейхера, а не на-

оборот, это значит, что они могли в своих трудах опираться на его труды, и не важно, с целью подтверждения или с целью критики, важно, что они работали не на пустом месте. Но заслуги младограмматиков и Соссюра выше в том смысле, что им удалось после Шлейхера создать новую лингвистику, науку гораздо более профессиональную и вооруженную более мощными инструментами, чем это было до них. «Курс общей лингвистики» Соссюра был и останется одной из двух-трех самых значительных книг за всю историю изучения языка. Но моновокализм Соссюра (как и Шлейхера, естественно), конечно, не решает на самом деле никаких проблем. Мы считаем моновокализм очевидным заблуждением, и безусловно попытаемся это доказать в последующих наших работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л.: Соцэгиз, 1938. – 510 с.

2. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.

3. *Brugmann Karl.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Auf Grund des fünfbandigen 'Grundrisses der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück' verfasst von Karl Brugmann. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 777 S.

4. *Schleicher August.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Laut- und Formenlehre der indogermanischen Ursprache, des Altindischen, Alteranischen, Altgriechischen, Altitalischen, Altkeltischen, Altslawischen, Litauischen und Altdeutschen von August Schleicher. Vierte Auflage. – Weimar: Hermann Böhlau, 1876. – 830 S.